

ВЫХОДИТ С 1998 ГОДА

МУЗЫКАЛЬНАЯ ГАЗЕТА СТУДЕНТОВ МОСКОВСКОЙ КОНСЕРВАТОРИИ

СТР. 2

ДЕВУШКА,
УМЕЮЩАЯ СОЗИДАТЬ

СТР. 3

А БУДЕТ ЛИ ЧТО ЛЮБИТЬ?..

СТР. 3

ЕЩЕ РАЗ ПРО... МУЗЫКУ
И МАТЕМАТИКУ

СТР. 4

ЖУРНАЛИСТИКА В СТИЛЕ «АРТ»:
СКАЗКА ИЛИ БЫЛЬ?!

НА ТЕАТРАЛЬНОЙ СЦЕНЕ

«ТОРЖЕСТВО ПЛАВАЮЩЕЙ МАТЕРИ...»

19 ноября в Центре им. В. Мейерхольда публике было представлено интересное и весьма нестандартное произведение — видеоопера Фаусто Ромителли «Индекс металлов» (2003) для сопрано соло, ансамбля, мультимедийной проекции и электроники. Данный проект, осуществленный в рамках фестиваля «Новый европейский театр» силами ансамбля «Студия новой музыки» (дирижер — Игорь Дронов, солистка — Екатерина Кичигина), привлек внимание уже своим анонсом в интернете и фестивальных буклетах: «стилистический монолит... из разнородных элементов», «ритуал, подобный световому шоу 1960-х или сегодняшним рейв-вечеринкам», «стилистический манифест композитора» и т. д. Из вступительного слова Федора Софронова, который рассказал об истоках творчества Ромителли, о сути и строении самой оперы, также можно было заключить, что в ней, действительно, органично сплелись черты академического направления и массовой культуры.

Видеоопера «Индекс металлов» создана в духе нового европейского театра, она не имеет последовательного сюжета. Все происходящее — это погружение девушки-героини в определенное состояние, транс, в который она входит с помощью наркотических средств. По сути, за кадром остается история измены, из-за которой она переживает. Либретто (Кенка Левкович) представляет собой свободную переработку текстов Жоржа Батая, имеющих свои корни в сюрреализме, оно изобилует абсурдистскими метафорами: *metal-miso hell* (металлосоевый ад), *a loop of seaweed soup* (петли водорослевого супа), — и отражает бредовое состояние героини, через которое все же иногда прорываются осмысленные фразы типа *She won't call Brad for help* (она не позвонит Бреду)...

Весь текст разделен на три «галлюцинации» (интересно, что в английском тексте галлюцинации записаны как *hallucinations*). Галлюцинация первая имеет заглавие «Drowninggirl (падающая, а точнее, тонущая девушка)», символи-

зируя проникновение в «невесомость» и переключаясь с одноименной картиной Роя Лихтенштейна (см. снимок. — *Red.*), ставшей одним из источников вдохновения для создателей оперы; вторая и третья галлюцинации — «*Risinggirl* (поднявшаяся девушка)» и «*Earpiercingbells* (оглушающие колокола)» — разные стадии ее наркотического опьянения.

Визуальный компонент спектакля (Паоло Пакини и Леонардо Ромоло) представляет

скудно не было), а работает наравне с другими средствами на главную задачу: гипнотизирование зрителя/слушателя с помощью абстрактных психоделических образов, апеллирующих к чувственному восприятию.

Музыкальная композиция оперы укладывается в пять картин, между которыми помещены четыре интермеццо без текста. Имеется также интродукция, которая минималистскими средствами настраивает на определен-

распределенная на три картины, переходит от *заторможенности* (тихая плавная речитация голоса, высокие регистры ансамбля, флажолеты, светло-голубые и желтые оттенки на экране) через *транс* (многократное варьированное повторение одной секции, вокальная партия с еще довольно напевными фразами, начинающимися каждый раз с тона *es*, на фоне обрывающихся мотивов акустических и электронных тембров; на экране появляются теплые, огненных оттенков цвета) — к, собственно, *падению*, которое осуществляется и визуальным

ти типа *sprechgesang* с огромными скачками в мелодии; усиливается роль электроники и гитарного звука, ускоряется темп смены образов в видеоряде, появляются более объемные изображения... Пространство более или менее материальное становится полностью запредельным. Звучание стекается к электронному аккорду, с которого все и началось.

Композитор предложил слушателю особый язык, в котором органично сплелись утонченность и интеллектуализм авангарда с оглушающей рейв-культурой, предполагающей синтезированные технозвучности, а также «грязный звук», достигаемый за счет перегруза электрогитары и баса. Влияние разных направлений современного музыкального искусства естественно отразилось на исполнительском составе оперы: типичный для авангарда инструментальный ансамбль, рояль, электрические гитара и бас, синтезатор. Кроме того, в ткань оперы включены отдельные электронные звуки и технокомпозиции финской группы «Pan-Sonic», что потребовало особого искусства сочетания записи с живым ансамблевым исполнением со стороны дирижера. Эта ткань не была лоскутной, воспринималась как живая и цельная, в ней ощущались и французская спектральная музыка с ее проникновением в глубину звука, и итальянская вокальная традиция, и электронная музыкальная культура, включая элементы техно и металла. Музыкальный результат такого соединения различных культур, порой резко противопоставляемых друг другу, был более чем убедителен.

Опера, задуманная Ромителли как «торжество метаморфоз плавающей матери, световое шоу, в котором выход восприятия из границ физического тела технически достигается перемещением и слиянием в чужеродном материале», как «путь к перцептивной насыщенности и гипнозу, к полной перестройке привычных сенсорных характеристик», кажется, достигла своей цели.

Сергей Евдокимов,
Юлия Москвина,
студенты IV курса ИТФ

собой бесконечный монтаж кадров, на которых мелькают нестандартно преподнесенные металлы, поверхность луны, огонь, «летающая» стена небоскреба, части человеческого скелета и многое другое. Для каждой картинке, проецируемой на один из трех экранов, найдены свой темпоритм движения, колористический контраст и некая «драматургия» абстрактно поданного видеобраза в его тесной связи с музыкой и текстом (к слову, видеохудожник Паоло Пакини имеет музыкальное образование и является автором нескольких инструментальных и электронных опусов). При этом видео не служит лишь декоративным элементом (чтобы

новую волну: многократно повторяющийся и неизменно обрывающийся аккорд из композиции *Shine on you, crazy diamond* группы Pink Floyd, сопровождаемый «рождением» плазматического шара из темноты на экране и внезапным его «умиранием». Так же минималистски организуются и четыре интермеццо: они выдерживаются на едином тоне и его обертонах, расцвечиваемых разными тембрами, акустическими и электронными, которые «уровнены в правах» и непосредственно переходят друг в друга.

Музыка пяти картин соответствует смене состояний героини, все более отдаляющейся от реальности. Первая галлюцинация,

образом: на экране — долгий полет вниз, при этом звучание постепенно вновь застывает на высоких нотах. В четвертой картине вторая и третья галлюцинации приводят ко все более «сюрреалистической» вокальной пар-

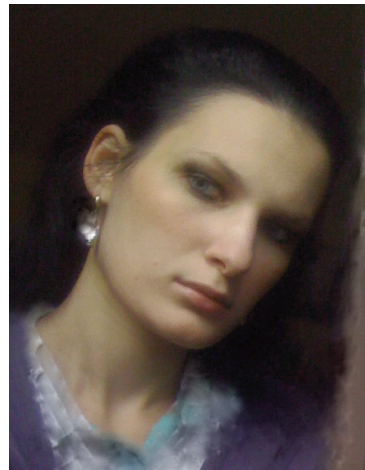
ТВОРЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ

ДЕВУШКА, УМЕЮЩАЯ СОЗИДАТЬ

Пока в концертных залах и на театральных подмостках звучат шедевры Моцарта, Чайковского и прочих, а их создатели любовно взирают на нас с пыльных портретов, в недрах консерваторий возвращаются десятками и сотнями молодые, пока еще безызвестные композиторы. Вероятно, через пару столетий портретные галереи пополнятся их умудренными ликами, слава увековечит их имена на исторических скрижалях, а курс обучения в музыкальном вузе разрастется до десяти лет, дабы студенты смогли изучить их творчество. Но пока что это — обычные молодые люди. Точнее, как раз таки необычные, ибо из музыкантов они — самые непостижимые и уникальные. Героиня моей статьи катается на роликах, а еще она рисует, играет на гитаре, нанизывает на тесьму серебряные макароны и украшает ими комнату, поет, пишет стихи, раскрашивает футболки, выращивает петрушку, обожает бутерброды и своих племянников. И своих соседей по комнате в общежитии. То бишь — меня

(здесь должен стоять смайлик, но его не напечатают!).

Татьяне Астафьевой для получения почетного статуса «композитор», выгравированного в дипломе, осталось меньше

года. Но композитором без статуса она стала лет этак с восьми, когда в совершенстве освоила нотную грамоту. Первый Танин опус имел красноречивое заглавие: «У меня сегодня такое настроение». С тех пор «такое настроение» приходило часто: маленькая Танечка сочиняла и сочиняла, а родители с умилен-

нием взирали на собственное чадо, радовавшее их домашними концертами.

Учась в двух школах, Таня порхала с олимпиады на олимпиаду по географии, математике, английскому и с легкостью завоевывала награды. А в четырнадцать лет «дарование» вдруг заявило: пойду в музыкальное училище. Заявление сопровождалось звоном бьющейся посуды: у мамы от неожиданности тарелка выпала из рук...

И вот Таня очутилась во Владимирском музыкальном колледже на фортепианном отделении. Она сходила с ума по Скрябину, мечтала стать пианисткой, ходила на выставки современных художников, импровизировала с друзьями, ежедневно посещала фонотеку и библиотеку, общалась и влюблялась. И продолжала сочинять в стиле позднего романтизма. А перед самым выпуском вдруг поехала на московский конкурс композиторов, и это решило судьбу. Перспектива обучения на фортепианном факультете в Нижегородской консерватории вдруг показалась скучной и неинтересной, и Таня потянулась к сочинительству: за год экстерном окончила второй, теор-

етический, факультет, занялась композицией с профессором Т. А. Чудовой, поступив затем в ее консерваторский класс.

Музыка Татьяны отличается редким для нашего времени качеством: она красива. Красива не как произведения всех, подражающих романтикам, и не той «умной» красотой, которая предполагается, но не ощущается. Привожу отзыв анонима: «Музыка Тани отображает саму Таню. Я никогда не спутаю Танино произведение с каким-либо другим. В этой музыке слышны Танины мысли, Танин смех, походка. В ней много света и солнца. Музыка Тани — стихи Маяковского. Это свой путь, это выражение себя».

Собственный, неподражаемый стиль — это то, к чему стремятся все творческие люди. На вопрос: «В каком стиле ты сейчас сочиняешь?» — отвечает: «Сложно сказать. Я не увлекаюсь ультрасовременным авангардом, пытаюсь работать с мелодией, с гармонией. Мне бы хотелось, чтобы музыка, как бы она ни развивалась, все-таки воздействовала на чувственное восприятие и вызывала в людях хорошие эмоции, навевала добрые воспоминания. Сейчас музыка в основ-

ном медленная, тянущаяся, депрессивная. Отсутствуют быстрые темпы и ритмы. А ведь люди хотят слышать разнообразие, например, тембровое. То есть я пытаюсь искать что-то, что не пугало бы, а вдохновляло, побуждало думать о мире, о жизни, о красоте... А в ответ на другой вопрос: «Чего бы ты пожелала подрастающему поколению?» — размышляет: «Пожелала бы трудиться, заниматься любимым делом, любить природу. Быть частью нашей реальности, но при этом представлять прекрасную сторону жизни. Я вот сужу по своим ученикам: ведь есть дети, которым хочется заниматься творчеством, у которых в голове так много идей. Для большинства из нас успехи наших учеников, их интерес к музыке — самая большая радость»...

И в этом — вся Таня. Девушка, которая созидает, а не разрушает, которая любит людей и особенно детей, умеет смотреть на деревья и становиться от этого счастливой, талантливый композитор, стремящаяся сделать наш мир хотя бы немножко лучше.

Татьяна Любомирская, студентка IV курса ИТФ

КОНЦЕРТНЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ

ЕДИНСТВО НОВИЗНЫ И ТРАДИЦИЙ

Каждый год в ноябре в Московском Доме композиторов приветливо распахивает свои двери фестиваль «Московская осень». А 17 ноября в рамках фестиваля Москву посетила Филармоническая хоровая капелла «Ярославия». Выступление капеллы совпало с ее личной круглой датой: «Ярославии» в октябре исполнилось 10 лет.

Программа концерта представляла собой спектр русской современной классики хорового письма. В первом отделении звучала преимущественно музыка духовная: «Бог» Д. Дианова (стихи Г. Державина); «Научи нас, Господи, так считать дни наши» Н. Барковской; Четыре хора памяти С. В. Рахманинова («Отче наш», «Божим светом Твоим», «Помышляю день страшный», «Тебе поем») Е. Земцова; «Траурные каноны» (памяти Л. Н. Калужского) А. Агажанова; «Псалом. Триптих Николаю Чудотворцу» М. Петухова. Несколько выделялись на этом фоне светско-философское произведение В. Рябова «Прогулки по тональностям» и кантата для смешанного хора на стихи Ю. Балтрушайтиса. Второе отделение состояло из сочинений, основанных на исконно русских народных мотивах: «Ты пчела ли, моя пчелынька» А. Киселева; «Старинные русские напевы» А. Таракановой; концерт для хора «Из лирики русской свадьбы» И. Якушенко.

«Московская осень» — это в первую очередь калейдоскоп модных тенденций в композиторских исканиях. Порой творцы века нынешнего сметают границы разумного на своем пути, но не в этот раз. Концерт капеллы оставил ощущение свежести, а главное — единства новизны и традиций. Каждое из сочинений стало

важной ступенькой в копилке музыкального опыта. Несмотря на «консерватизм» темы (духовная область очень проста для небанального воплощения в музыке), композиторы, к творчеству которых обратился художественный руководитель и главный дирижер «Ярославии» Владимир Контарев, сумели не только остаться на борту стремительно убегающего временного корабля, но и найти свежее звучание в рамках вековых традиций русского хорового пения.

И, конечно, восприятие публикой нового, неизвестного в первую очередь зависит от того, насколько качественным будет и исполнение. «Ярославия» не просто механически озвучила написанные ноты — в хоровой ткани жила музыка. Энергетические импульсы дирижера мгновенно отражались в гибкой изменчивости нюансировки.

А самым важным моментом концерта стал с блеском исполненный концерт Игоря Якушенко «Из лирики русской свадьбы». «Ярославия» впервые вынесла это сочинение на суд публики еще 5 лет назад, и с тех пор оно вошло в репертуар хора. Сегодня редко можно полностью услышать это произведение, со сцены чаще исполняются отдельные номера. Однако именно целостное звучание партитуры открывает всю полноту и красоту идеи и ее воплощения в хоровом концерте.

...«Московская осень» разнолика. Ультрасовременная, полная самых неожиданных идей, трактовок, тембров. Но всегда останется ценным обращение к традиционным жанрам и формам — если исполнение будет не только профессиональным, но и по-настоящему искренним.

Ольга Ординарцева, студентка V курса ДФ

МАЭСТРО СПИВАКОВ ПРИГЛАШАЕТ

В Московском международном Доме музыки прошел VII Московский музыкальный фестиваль «Владимир Спиваков приглашает...». Он был приурочен к 10-летию Национального филармонического оркестра России, созданного В. Спиваковым, — за это время коллектив получил признание на родине и за рубежом, сотрудничал с выдающимися исполнителями. Помимо НФОР в фестивале приняли участие камерный оркестр «Виртуозы Москвы» и французский Национальный оркестр Капитолия Тулузы, которым руководит выпускник Санкт-Петербургской консерватории Туган Сохиев.

В нынешнем сезоне оркестр решил почтить память трех великих русских дирижеров — Е. Мравинского, К. Кондрашина и Е. Светланова, посвятив каждому из них концерт. Для первой программы В. Спиваков выбрал музыку Р. Вагнера, Г. Малера и Д. Шостаковича, расположив их в хронологическом порядке. Во многом этот выбор отвечал личным пристрастиям маэстро: «Для меня важно не количество фестивальных концертов, а возможность показать Москве то, что я люблю сам: что-то новое, разнообразное по жанрам и стилям, уникальное, талантливое». Личные интересы дирижера положительно сказались на исполнении: оркестр звучал очень профессионально, а сам Спиваков сопереживал каждой сыгранной ноте.

Открыли вечер два эпизода из оперы Вагнера «Тристан и Изольда» — Вступление и Смерть Изольды. Сначала «бесконечные мелодии» немецкого композитора погрузили слушателей в идеальный мир, полный искренних чувств, а переключки у струнных рождали аллюзии призывов влюбленных. Второй эпизод образовал резкий контраст: оркестр звучал драматично и страстно, искусно спле-

тая вагнеровские темы «блаженной смерти» и «пламенных объятий». Музыканты сумели донести до слушателей настроение великой оперы.

В трагическом вокальном цикле «Песни об умерших детях» Малера солировал прославленный бас-баритон Маттиас Герне (Германия). Учитывая содержание текста и характер музыки, перед исполнением голос диктора попросил присутствующих слушать песни самым серьезным образом. Солист и оркестр постарались передать состояние боли и скорби, мысли о невозвратных утратах. Из-за суеверия многие певцы не берутся за столь драматичный цикл, однако М. Герне включил его в свой репертуар. Артиста три раза вызывали на поклон, наградив долгими овациями.

Во втором отделении прозвучала Пятая симфония Шостаковича. Оркестр очень тонко прочувствовал и отразил эмоциональные сферы произведения — пафос, скорбь, гротеск, ирония. Правда, некоторые страницы первой части звучали излишне нервно, но самой удачной оказалась последняя часть: оркестр исполнил ее с поистине гигантским размахом.

Публика долго не отпускала коллектив со сцены, и музыканты сделали ей подарок: исполнили на бис антракт к опере Шостаковича «Катерина Измайлова». Хорошо, что у слушателей есть такая прекрасная возможность — насладиться любимыми произведениями. Прекрасная организация и обстановка Дома музыки позволяет устраивать грандиозные концертные программы с участием выдающихся музыкантов.

Надежда Травина, студентка I курса ИТФ

ПРОБЛЕМНЫЙ ВЗГЛЯД

А БУДЕТ ЛИ ЧТО ЛЮБИТЬ?..

Что будет с нашими музыкальными вкусами через 50 лет? Такой вопрос касается, увы, не только вкуса. Он затрагивает и другие проблемы, которые делают его более сложным и даже неразрешимым. Что имеется в виду? Прежде всего, процесс человеческого восприятия, художественный конфликт «отцов и детей» и, конечно, эволюция самой музыкальной культуры.

Вопрос вкуса волнует меня и как музыковед с позиции «а что люблю я?», и как слушателя — идеального, чуткого ко всему новому, восприимчивого к многообразию музыки не только «классической» (академической), но и к культурам далеких стран, равно как и к музыке электронной, року, джазу, поп-музыке. У всех есть свои пристрастия, симпатии и непримиримые антипатии. Например, можно обожать музыку Ренессанса, недолюбливать Чайковского и слушать русский рок. Комбинации могут быть любыми. Но для меня — не важно, к чему относится то или иное произведение звукового искусства.

Часто со стороны старших поколений можно услышать упреки по поводу увлечения рок-музыкой. Их доводы о губительном воздействии таковой просто ужасны: рок депрессивно влияет на психику, он

деструктивен по отношению к живым тканям на клеточном уровне. Всем известные исследования с растениями дали однозначные результаты: Моцарт наполняет жизнью, а рок убивает — подопытное растение после неоднократного прослушивания рок-композиций практически увядало на гла-

зах. Главный вывод: слушать нужно только «Классику»!

А что если поставить тем цветочкам симфонии Малера или дать послушать «Воцекка»? По сравнению с творчеством некоторых рок-групп, эта музыка XX века — «адские» звуки. И какая рок-музыка использовалась в экспериментах — это тоже важный вопрос. Ведь существует множество градаций даже внутри одного «металла»: хэви,

дэд, дум, блэк, ню... Некоторые композиции самых «левых» из них действительно не вызывают ничего кроме головной боли. Но определять всю рок-музыку как негативное явление — полнейшая глупость.

Важно другое. Если в музыке есть настоящее чувство, смысл, идея (общечеловеческая, философская, лирическая) — неподдельное содержание, направленное на душу и разум человека, выраженное с мастерством, то не есть ли именно это настоящее искусство? И на вопрос «неужели вы любите рок?» можно ответить только однозначно так: «Я люблю музыку как искусство звуков, наполненное смыслом. И тогда — музыка либо хороша, либо нет». Других ответов я не нахожу.

Возвращаясь к вечной теме «отцов и детей», задумаемся о восприятии. Что если через 50 лет, когда у наших детей появятся внуки, мы будем говорить молодежи то же самое, что сейчас старшие твердят нам?.. Что если разум человека активно воспринимает новую информацию только в молодом возрасте, а спустя годы восприятие нового сильно затрудняется и уже мы, почтенные люди, будем обвинять своих детей в бездуховности? И приводить им в пример своих кумиров молодости, в искусство которых мы влюбились еще тогда?

Остается надеяться, что наше музыкальное образование поможет нам на более долгий

срок сохранить свежесть восприятия и способность тонко чувствовать любое проявление музыкального искусства. И такая надежда жизненна, она может реализоваться. Главное, не замыкаться в рамках чего-то одного, в рамках узкопрофессиональных или пристрастно вкусовых.

А что касается популярной музыки, то одним из главных недостатков считают ее излишнюю доступность. Но песня песне рознь. Как одна из древнейших форм музицирования, она никогда не исчезнет, именно в силу своей доступности. Так же, как и песни Шуберта — песни рок-исполнителей имеют меньшую весомость для культуры. Как и во времена Шуберта были «плохие» композиторы, о которых мы не вспоминаем, так и сейчас существуют некачественные подделки уже под рок-искусство.

А в том, что любить нам всегда «будет что» — можно не сомневаться! Ведь и во времена Баха говорили, что его музыка — полнейший тупик, конец развития искусства, причем критики как всегда обращались к прошлому. Главное, не пропустить мимо ушей и сердце того важного, прекрасного, что может затеряться на целый век в груды нотных партитур, а в современном мире — в груды дисков, флэш-карт и других разнообразнейших носителей информации...

Марина Валитова,
студентка IV курса ИТФ

ЕЩЕ РАЗ ПРО... МУЗЫКУ И МАТЕМАТИКУ

Музыковедение, как и любая искусствоведческая наука, относится к гуманитарной сфере. Но не стоит забывать, что в античной системе музыкальное искусство принадлежало сфере математической, сфере точных наук. Несмотря на существующие разные классификации областей научного знания, кажется, ни одна из них не помещает искусствоведение и математику в один класс. Поэтому и сейчас перед любым музыковедом встает вопрос: кто же он — технар или гуманитарий, физик или лирик?

В доказательство каждой точки зрения можно привести массу аргументов. В пользу математического уклона говорят не только всяческие вычислительные концепции сочинительства (начиная с мензуральных канонов и заканчивая тотальным сериализмом и электронной музыкой), но и само устройство звуковысотной системы, основанной на естественных числовых соотношениях. За гуманитариев — необыкновенное, необъяснимое воздействие музыки на людей, а также декларируемая возможность выразить ею так называемые «тончайшие движения человеческой души».

Разумеется, это противоречие отражается и в построении учебной программы. В крупном плане она делится на *теорию* и *историю*, хотя необъявленно присутствует и *практика*, например, чтение партитур. Молодой музыковед должен постоянно балансировать между

этим сферами, не погружаясь в каждую из них с головой. Как же разрешить такое противоречие?

Прежде чем ответить на этот вопрос, необходимо уяснить — в чем особенности «математического» подхода к музыке. Для большинства людей математика — это лишь методы вычисления каких-либо величин, операции над числами (иногда с помощью калькулятора). Не случайно во многих школах типа ЦМШ математические дисциплины нередко считаются чем-то необязатель-

явлений реального мира все наиболее общее (самая понятная абстракция — число), второй — устанавливает *правила обращения* с этими абстракциями.

Везде, где присутствуют строгие правила, веет духом математического метода. А формально точное определение объектов изучения уже позволяет применять богатейший спектр разнообразных математических приемов. Причем *строгое определение* вовсе не обязательно ставит какие-то жесткие ограничения (как, к

примеру, и *строгий учитель*!), но четко и исчерпывающе определяет изучаемое явление или объект, причем его четкость и полноту можно доказать формальным рассуждением. Более того, даже неясность дозволено вписать в строгую систему, если определить границы этой неясности (так возникла теория вероятности).

примеру, и *строгий учитель*!), но четко и исчерпывающе определяет изучаемое явление или объект, причем его четкость и полноту можно доказать формальным рассуждением. Более того, даже неясность дозволено вписать в строгую систему, если определить границы этой неясности (так возникла теория вероятности).

Если в недостатке логических и логических рассуждений упрекнуть музыковедение нельзя, то единой системы убеждений, служащей основой для таких рассуждений, не существует. И не только в музыковедении в целом, не только в отдельно взятой стране, но и даже в отдельно взятой консерватории. Ввиду отсутствия формальных определений многих вещей, интуитивно вроде бы ясных, даже невозможно перевести одну понятийную систему в другую. А мысль, высказанная Станиславом Лемом в его литературоведческом труде «Фантастика и футурология», актуальна и для музыковедения: «...в гуманитарных науках <...> все еще господствует тенденция (напоминающая религиозные войны Средних веков) универсализации в качестве исследовательского направления единой первоначальной школы, из-за чего любые попытки помощи со стороны других научных дисциплин воспринимаются не как вмешательство с целью устранения отдельных устаревших методов исследования, а как агрессия, направленная на уничтожение самой гуманитарной науки».

Но все же не существует коренных препятствий, которые делали бы невозможной формализацию и сопоставление различных музыковедческих теорий. Построение модели человеческого восприятия музыки непременно произойдет, пусть и не в самом ближайшем будущем. Следовательно, и новая, математическая стадия в музыковедении — впереди.

Михаил Иглицкий,
студент IV курса ИТФ

«НАМ ЛИ СТОЯТЬ НА МЕСТЕ?»

Идея этих заметок родилась на концерте консерваторского хора, посвященном 90-летию кафедры. Дирижировал профессор С. С. Калинин. Концерт закончился большой провокацией: было исполнено попури из советских песен, последним в котором был «Марш энтузиастов» И. Дунаевского из кинофильма «Светлый путь». В наше время — и вдруг коммунистические песни в Большом зале Московской консерватории?! Я с любопытством наблюдала за реакцией публики. Многие улыбались и аплодировали, кто-то кричал браво, а кто-то... свистел. В итоге овация приобрела черты митинга, причем оппонировали друг другу седые интеллигентные люди. И я задумалась....

Мы любим говорить о том, как в годы советской власти по политическим причинам запрещалась музыка неугодных композиторов. Это невеселый исторический факт. Теперь же перегиб начался в противоположную сторону. Достаточно заявить, что автор подвергался гонениям и репрессиям по политическим причинам, и уже это привлекает внимание некоторых слоев аудитории вне зависимости от действительных достоинств произведения. Что это, как не лицемерие?

Теперь мода на антисоветские настроения: без этих убеждений сложно войти в определенные «интеллектуальные круги». Требуется если не поддерживать эти идеи «со всем пылом юности», то хотя бы молчаливо одобрять их. Удивительно, но это в каком-то плане продолжение той самой негласной (или даже гласной) цензуры, против которой так возмущаются эти люди!

На хоровом концерте некоторые слушатели кричали и свистели не из-за качества исполнения (исполнение было очень удачным), а выражая свои политические убеждения. Разве плоха музыка «Марша энтузиастов»? Если оценивать по критериям искусства — очень даже хороша! Среди советских песен есть настоящие шедевры, и таких песен много. Они выросли из коммунистической идеологии, но сами по себе действительно представляют ценность.

Нам никогда не избавиться от взаимодействия искусства и политики? Как бы ни твердили, что искусство живет по своим законам, такая проблема все еще существует. Зачастую то, что нынче называют восстановлением исторической справедливости, на деле является учинением новой несправедливости, просто с другим знаком. Видимо, должны пройти многие годы, прежде чем все успокоится и люди начнут мыслить трезво. А пока постараемся быть мудрыми и не кидаться из крайности в крайность.

Кристина Фисич,
студентка IV курса ИТФ

КОНФЕРЕНЦИЯ

ВКЛАД В ЧЕРЕДУ ЧЕСТВОВАНИЙ РИХАРДА ВАГНЕРА

Весь 2013 год отмечалось 200-летие со дня рождения Рихарда Вагнера. Под знаком посвящения немецкому гению 2 декабря в Московской консерватории состоялась *Всероссийская научно-творческая студенческая конференция «Рихард Вагнер и мировой оперный театр»*. Кроме наших ребят в ней приняли участие гости из МГУ имени М. В. Ломоносова, Ростовской государственной консерватории имени С. В. Рахманинова, Российского университета театрального искусства (ГИТИС) и Казанской государственной консерватории имени Н. Г. Жиганова.

Торжественному событию предшествовала долгая подготовительная работа, которую замечательно провела организатор конференции, студентка III курса ИТФ Московской консерватории Мария Зачиняева. За поддержку идеи и самое непосредственное участие в организации и проведении мероприятия нужно поблагодарить проректора МГК по научной работе профессора К. В. Зенкина.

Всего «с трибуны» конференция-зала прозвучало 13 докладов (а Вагнер написал 13 опер —

удивительное совпадение!). Наряду с музыковедами в конференции выступали представители Композиторского и Дирижерского факультетов, а также участники из сферы журналистики и художественной критики.

Вагнер — столь многогранная личность, что его просто невозможно рассматривать только с позиций музыковедения и даже с позиций только музыки! Елена Закрыжевская (МГУ) обнаружила черты вагнеровской драматургии в «Волшебной горе» Т. Манна. А Кристина Ищенко (МГК) исследовала «орнитологические мотивы» в творчестве Вагнера. В ракурсе «Зигфрид-анархист» интерпретировала «Кольцо нибелунгов» Полина Полякова (МГУ). Вопросов драматургии «Тангейзера» касался доклад Анастасии Руденко (Ростовская консерватория).

Под «магию Вагнера» попадали многие деятели искусств. Несколько докладов касались

вопроса «вагнеровских влияний». Даниил Топилин (Казанская консерватория) рассказал об «Электре» Штрауса в свете музыкальных идей «Тристана». Жанна Бобкова (МГУ) обратилась к теме «Вагнер и Ницше». Доклад о

М. Попова, А. Паудяль, Л. Саводёрова

«вагнеровских идеях» в «Пеллеасе» К. Дебюсси представил автор этих строк.

Ряд сообщений был посвящен постановкам опер Вагнера — это доклады Андрея Кудрявцева (МГК), Константина Черкасова (ГИТИС). Своими впечатлениями от постановки «Тангейзера» в Музыкальном театре им. К. С. Станиславского и Вл. И. Немировича-Данченко

поделились студентки I курса Московской консерватории Ангелина Паудяль, Маргарита Попова, Лидия Саводёрова. Их «трио» напомнило о трио русалок из «Золота Рейна». Отдельный доклад был посвящен «Меланхолии» Ларса фон Триера (Ксения Ефремова, III курс МГК). Фильм в свое время наделал много шума, и на конференции эта тема тоже вызвала оживленную дискуссию.

В воздухе буквально витал дух творчества, заинтересованности, радовало многообразие тем и точек зрения. При этом царил доброжелательная атмосфера, когда любая мысль допускается к рассмотрению и обсуждению. Например, сообщения аспиранток Казанской консерватории вообще были связаны с Вагнером опосредованно: они были посвящены операм seria Дж. Россини (Лилия Садыкова) и «русским» сюжетам в западноевропейской опере (Евгения Шигаева).

Вагнеровская драматургия повлияла и на характер конференции. Иногда действие неслось мощным симфоническим потоком, иногда (очень редко!) развитие тормозилось излишеством подробностей. А во время дискуссий голос солиста-докладчика становился одним из инструментов «оркестра», который символизировала заинтересованная публика. Была и «лейттема» — огромный вклад Вагнера, масштабность и значимость его личности.

Конференция продолжалась с утра до позднего вечера. Ее творческим финалом стал концерт «Неизвестный Вагнер», организованный силами студентов Московской консерватории, Российской академии музыки им. Гнесиных и Академии хорового искусства им. В. С. Попова. В роли ведущей выступила Мария Зачиняева. Прозвучали транскрипции из опер и малоизвестные фортепианные сочинения композитора. Так студенчество Московской консерватории и других музыкальных вузов страны внесло свой достойный вклад в череду юбилейных чествований Вагнера.

Дмитрий Беланский, студент II курса ИТФ

ЖУРНАЛИСТИКА В СТИЛЕ «АРТ»: СКАЗКА ИЛИ БЫЛЬ?!

29-30 октября в славном городе Казани состоялась Международная межвузовская научно-практическая конференция «Сетевая журналистика в стиле «АРТ»: проблемы и перспективы». Столица Татарстана сумела привлечь весомое количество участников для обсуждения журналистских проблем, назревших в области искусства. Затронутые вопросы касались всех сфер, где царит журналистика: телевидение, радиовещание, печатные СМИ, а также тем, пограничных с культурологией и социологией. На заседаниях, проходивших в течение двух дней, присутствовали светила научной мысли республики в этой области, а также масса молодых людей, только вступивших на рельсы журналистского ремесла.

Наиболее интересным и познавательным стал именно первый день конференции, на котором разгорелись нешуточные диспуты по поводу персоны арт-журналиста: кто он и какие навыки должны быть непременным атрибутом этой личности? Круглый стол 29 октября, проходивший в Союзе журналистов Татарстана, превратился в подобие «стенки на стенку», где в ходе горячих разговоров определились две команды с четким представлением об арт-журналистике. Высказывались продюсеры, редакторы, маркетологи, менеджеры, сотрудники PR-служб и корреспонденты, волею судеб повязанные культурой.

Заместитель генерального директора, главный продюсер ТВ «Новый век» Милуша Айтуганова высказала мнение, что фигура арт-журналиста на телевидении должна быть профессиональной (человек с высшим образованием в нужной области культуры). Для

Татарстана, как, в общем, и для всей страны, эта проблема оказалась насущной, так как телевидение испытывает недостаток в таких узкопрофильных специалистах. Материал, по мнению главного продюсера, должен подаваться креативно, с огромной долей инновационности, чтобы заинтересовать и привлечь внимание потенциальной аудитории. В век перенасыщения информацией важно добраться до ума и сердца человека, найти средства выражения, «бьющие точно в цель». Корреспондент сетевой газеты «Бизнес-онлайн», театровед с дипломом ГИТИСа Татьяна Мамаева также поддержала мнение о непременном наличии профессионализма у арт-журналиста, но залогом успеха должно быть еще и наличие практического опыта в затрагиваемой сфере.

Д р у г а я «стенка» в лице Антона Шишкина, главу портала «KazanFirst», склонилась к мнению: «Имеешь опыт — имеешь возможность рассуждать». Такая мысль наткнулась на недовольные реплики сторонников профессиональной оснащенности арт-журналиста. И их можно понять: имея опыт без фундаментального знания, ты рискуешь повести своего читателя-слушателя по ложному пути. Как показывает практика, опыт не всегда тождествен истине.

Накалил обстановку вопрос, связанный с ангажированностью арт-журналиста, которая полностью блокирует критический

аспект. «Критикуешь — напарываешься на недовольство, не критикуешь — перестанешь быть объективным», — высказалась Анастасия Назорнова, пресс-секретарь Казанской консерватории. Дилемма сродни шекспировскому «быть или не быть». Каждый журналист рано или поздно встает перед таким выбором, и зачастую в схватке «денеги vs. правда» истина складывается оружием к ногам валюты — острейшая мировая проблема.

Междисциплинарные стороны арт-журналистики были затронуты в сообщениях, связанных с интертекстуальностью и художественной ценностью материала с точки зрения литературных достоинств. Речь шла и о глобальных культурологических и социологических аспектах. Интертекстуальность в руках журналиста, по словам заведующего кафедрой теории и практики элек-

К. Зарицкая, Б. Борисов, А. Шляхов

тронных СМИ Елены Дорошук, — средство, помогающее раскрыть в одном временном отрезке событие в разных плоскостях.

Далее научный день по стечению обстоятельств свернул в сторону беспросветного пессимизма. Филолог Лия Бушканец высказала мнение о закате литературной критики в связи с отсутствием желания читать, в частности, у молодежи: «Критика ориентирована на читателя, но читателя более не интересует профес-

сиональное мнение о каком-либо литературном явлении». Упадочное настроение подхватила социолог Валентина Фурсова: «Нынешний мир — общество потребления с массовой дезориентацией в области ценностей, традиций и культуры. Тем сильнее возрастает роль профессионального журналиста — воспитывать нравы социума»...

Второй день конференции, которая переместилась в Казанскую консерваторию, был студенческим и не менее дискуссионным. Круг вопросов, волнующий молодых исследователей, начинался с телевизионных коммерческих музыкальных проектов на ТВ и заканчивался блоггерством — «убийцей нынешней журналистики». Московскую консерваторию (Университет) на этом собрании представлял автор этих строк с выступлением на тему «Музыкальная журналистика в контексте вневременных художественных ценностей».

Интереснейшей информацией поделилась Регина Валиуллина, которая окончила магистерскую программу в Англии по направлению «международная мультимедийная журналистика». Журналистика на Западе — ремесло, где отсутствуют жанры, но существует две категории: новость и не новость. Журналист, в том числе и в области культуры, — человек, умеющий собирать, анализировать информацию и аргументировать свою точку зрения.

Краснодарцы Борис Борисов и Кристина Зарицкая поделились с публикой опытом в области создания печатного издания. Ребята

практически на голом энтузиазме, собственными силами создают журнал «Точка зрения», где освещаются культурные и околокультурные проблемы. Дизайн, концепт, разработка и поиск материалов, редактора, а также верстка издания — все на плечах этих энергичных молодых людей.

«Кто же ты, господин Арт-журналист?» — вопрос, волновавший до этой встречи и еще более не дающий покоя после нее. Точно не тот человек, который не умеет писать, берущий интервью у людей, которые не умеют гово-

речь, для людей, которые не умеют читать. Прежде всего — это профессионал во всех смыслах данного слова, интуиция которого функционирует, как лакмусовая бумага, безошибочно указывая, кто есть кто и что есть что. Беспокойная личность, не обделенная литературным даром, креативный новатор, твердо стоящий на крепком фундаменте знания с четко выстроенной системой ценностей. Такой «герой» вполне реален, и наверняка он уже среди нас.

Александр Шляхов, студент V курса ИТФ

Главный редактор: профессор Т. А. Курышева
Ответственный редактор: доцент М. В. Щеславская
Оригинал-макет: М. В. Переверзева
Сдано в печать 16.12.2013

125009, Москва, ул. Б. Никитская, 13
Интернет: tribuna.moscons.ru
Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС77-37913
ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКЕ ССЫЛКА НА ГАЗЕТУ ОБЯЗАТЕЛЬНА